

(Не)случайная невеста

Надежда Чародейская

18+

Надежда Чародейская

Неслучайная невеста

<https://litres.ru/74179374>

SelfPub; 2026

Аннотация

Правая рука миллиардера Волкова, финансовый гений, он давно поставил крест на личной жизни. Десять лет назад он похоронил жену и с тех пор живет только ради сына и работы.

Вера Соболева не искала встречи с прошлым. Она — успешный архитектор-реставратор, специалист по спасению исторических зданий. Когда ее бюро выигрывает тендер на реконструкцию старинной усадьбы, она не знает, что заказчик — Кирилл. Тот самый Кирилл, который когда-то разбил ей сердце.

Теперь они вынуждены работать вместе. Он — прагматик, готовый перестроить всё под современные стандарты. Она — идеалистка, готовая драться за каждую историческую деталь. Их деловые стычки перерастают в личную войну, а старая обида вспыхивает с новой силой. Но вместе с обидой возвращается и то, что они пытались забыть: страсть, нежность, чувство, что именно этот человек — твоя судьба.

У прошлого длинные тени. Тайна, разрушившая их семнадцать лет назад, Кириллу и Вере предстоит решить: можно ли построить будущее на руинах старой любви?

Содержание

Глава 1. Тендер	4
Глава 2. Призрак прошлого	11
Глава 3. Первая встреча	19
Глава 4. Усадьба	28
Глава 5. Ночной звонок	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Неслучайная невеста

Глава 1. Тендер

Вера

— Вера Сергеевна, вы меня слышите? Мы выиграли.

Я смотрела на экран ноутбука, где светилось письмо от тендерного комитета, и не могла вымолвить ни слова. «Победитель открытого конкурса на реконструкцию объекта культурного наследия „Усадьба Знаменских“ — ООО „Архитектурное бюро Соболевой“».

Выиграли.

— Вера Сергеевна? — Женя, мой помощник, тряс меня за плечо. — Вы чего? Это же победа! Мы сделали их! Мы обошли «Мегаполис-проект»!

— Я слышу, Жень. — Мой голос прозвучал хрипло, и я прокашлялась. — Слышу. Просто...

Просто я не могла поверить. Полгода мы боролись за этот

тендер. Полгода я ночами сидела над сметами, чертежами, историческими справками. Усадьба Знаменских — жемчужина московского ампира, построенная в 1823 году по проекту самого Жилярди. Она стояла заброшенной последние двадцать лет, разрушаясь, зарастая плющом, умирая. И вот теперь ее отдавали мне. В руки архитектора, который специализируется именно на таких объектах — умирающих, забытых, требующих не ремонта, а воскрешения.

— Шампанское! — Женя уже металась по офису, распакивая шкафчики. — У нас где-то была бутылка, я точно помню!

— В левом ящике, за рулонами ватмана.

— Точно!

Я смотрела, как она разливает шампанское по бумажным стаканчикам, и чувствовала, как внутри медленно разгорается тепло. Победа. Мы победили. Мое бюро — маленькое, специализированное, с двенадцатью сотрудниками и вечно дырявым бюджетом — выиграло контракт на реконструкцию исторической усадьбы. Это был не просто заказ. Это был билет в высшую лигу.

— Кстати, — Женя вдруг замерла с бутылкой в руке, —

а кто заказчик-то? В письме сказано?

— Сейчас. — Я прокрутила письмо вниз. — «Заказчик: ООО „Северный Девелопмент“. Генеральный директор — Северов Кирилл Алексеевич».

Стаканчик выпал из моих пальцев.

Шампанское растеклось по столу, заливая чертежи, но я не могла пошевелиться. Имя горело на экране, как клеймо.

Северов. Кирилл Алексеевич.

— Вера Сергеевна? — Женя испуганно смотрела на меня.
— Что случилось? Вы побледнели.

— Ничего. — Я заставила себя взять салфетку и начать промакивать лужу. — Все нормально.

— Вы знаете этого Северова?

Знала ли я его. Боже.

— Когда-то, — сказала я, не поднимая глаз, — мы учились вместе.

Женя не стала расспрашивать дальше — она была умной девочкой и умела чувствовать, когда лучше замолчать. Просто помогла убрать со стола и ушла, оставив меня одну.

Я сидела в пустом офисе, смотрела на письмо и чувствовала, как внутри что-то рушится.

Кирилл. Спустя семнадцать лет.

Семнадцать лет — это много. Это целая жизнь. За это время можно окончить институт, выйти замуж, развестись, построить карьеру, похоронить родителей. Я все это сделала. Я стала другой — сильной, успешной, самодостаточной. Я больше не та двадцатиднолетняя девчонка, которая плакала на скамейке в Нескучном саду, потому что любимый человек выбрал другую.

И все же. И все же, когда я увидела его имя, у меня подогнулись колени.

Кирилл Северов. Мы учились в МАРХИ, на архитектурном. Он был на шесть лет старше, уже заканчивал магистратуру, когда я только поступила. Высокий, крупный, с вечно растрепанными волосами и смеющимися карими глазами. Он не был красавцем — слишком грузный, слишком небрежный, — но от него исходила такая энергия, такое оба-

ание, что вокруг него всегда собирались люди.

И я собралась. Влюбилась, как кошка, — сразу и навсегда.

У нас был роман — короткий, яркий, на два летних месяца. Он называл меня Верочкой. Я называла его Киром. Мы строили планы: после моего диплома — совместное бюро, архитектура, спасение старых зданий.

А потом появилась Лиза.

Я помнила ее — тоненькая, светлая, с прозрачными глазами и тихим голосом. Она была полной моей противоположностью. И Кирилл выбрал ее.

— Прости, — сказал он тогда, стоя у моего общежития.
— Я должен. Так правильно.

Что значит «должен», что значит «правильно», я не поняла. Не стала спрашивать — слишком гордая. Просто развернулась и ушла. И с тех пор не видела его ни разу.

Пока не прочитала это чертово письмо.

Ночью я не могла уснуть.

Лежала в постели, смотрела в потолок и прокручивала в голове варианты. Отказаться от контракта? Невозможно — бюро на грани разорения, зарплаты сотрудникам задержаны за два месяца, банк грозит отозвать кредитную линию. Этот тендер — наше спасение. Если я откажусь, к концу года мы закроемся.

Принять контракт? Значит, работать с Кириллом. Видеть его каждый день. Обсуждать сметы и чертежи, делать вид, что мы чужие люди.

Я повернулась на бок и уставилась на книжную полку, где стояла старая фотография в рамке. Мама, папа, я — студентка первого курса, счастливая, с чертежным тубусом в руках. Тот год, когда я еще верила, что все будет хорошо.

— Что бы ты сделала, мам? — прошептала я в темноту.

Мама не ответила. Ее не было уже восемь лет.

Я встала, накинула халат и пошла на кухню. Достала из шкафа начатую бутылку коньяка — подарок бывшего мужа на прошлый Новый год, — налила на два пальца. Села за стол, зажгла свечу.

Коньяк обжег горло.

Я могла отказаться. Могла позвонить завтра и сказать: «Простите, я передумала». И потерять все, что строила последние двенадцать лет. Могла согласиться — и каждый день видеть лицо человека, который когда-то разбил мне сердце.

А могла принять этот вызов. Доказать — ему, себе, всему миру, — что я больше не та девчонка. Что я стала профессионалом, который умеет отделять личное от делового. Что я могу работать с кем угодно, даже с ним.

Я допила коньяк и поставила рюмку в раковину.

— Ну здравствуй, Кирилл, — сказала я в пустоту. — Давно не виделись.

Завтра меня ждал офис «Северного Девелопмента». Завтра мне предстояло посмотреть в его глаза и сделать вид, что я ничего не чувствую.

Я справлюсь. Я сильная. Я Вера Соболева, и я не сдаюсь.

Вот только сердце стучало так громко, что, казалось, его слышно в соседней квартире.

Глава 2. Призрак прошлого

Кирилл

— Кирилл Алексеевич, результаты тендера у вас на почте.

Я кивнул секретарше, не отрываясь от квартального отчета. Цифры плыли перед глазами — выручка, маржинальность, EBITDA, — и я уже битый час пытался понять, почему у нас просело направление коммерческой недвижимости. Наверное, сказывалась общая нестабильность рынка. Наверное, надо было пересмотреть стратегию. Наверное...

— Кирилл Алексеевич. — Секретарша все еще стояла в дверях. — Там... это... В общем, тендер выиграла Соболева.

Ручка замерла в моей руке.

— Кто?

— Соболева. Архитектурное бюро Соболевой. Вы сказали докладывать сразу, как будут результаты.

Я отложил ручку. Снял очки. Посмотрел на секретаршу

— кажется, она испугалась моего взгляда.

— Спасибо, Леночка. Идите.

Она выскользнула за дверь, а я остался сидеть в тишине кабинета. Соболева. Вера Соболева. Верочка.

Черт.

Я открыл почту. Письмо от тендерного комитета висело в самом верху — стандартное, казенное, с гербовой печатью. «Победитель... ООО „Архитектурное бюро Соболевой“... генеральный директор Соболева Вера Сергеевна...»

Вера Сергеевна. Она теперь Сергеевна. Когда-то была просто Верочкой — длинноногой студенткой с вечно растрепанным пучком и горящими глазами. Тогда она носила джинсы и футболки с надписями, а теперь, судя по фото в интернете, — элегантные костюмы и жемчуг.

Я набрал в поиске ее имя. Выпала страница бюро: официальный сайт, портфолио, команда. Ее фотография — профессиональная, студийная. Высокая, статная, с проседью в темных волосах, которую она, похоже, принципиально не крашивает. Взгляд — прямой, жесткий, оценивающий.

Совсем не та девушка, которую я помнил.

А помнил я ее слишком хорошо — даже спустя семнадцать лет. Помнил, как она смеялась, запрокидывая голову. Как рисовала в альбоме, сидя на подоконнике в моей квартире. Как спорила до хрипоты о том, что архитектура должна служить людям, а не инвесторам. Как смотрела на меня — с таким абсолютным, безоглядным доверием, что у меня каждый раз перехватывало дыхание.

И как она плакала, когда я сказал, что женюсь на Лизе.

Я встал и подошел к окну. Москва шумела внизу, равнодушная к моим мыслям. Семнадцать лет — огромный срок. Лиза умерла десять лет назад. Вера, как я знал из обрывочных новостей, вышла замуж, развелась, сделала карьеру. У нас обоих были свои жизни, свои потери, свои шрамы. Я давно уже не вспоминал ее — точнее, заставлял себя не вспоминать.

И вот теперь она выиграла тендер.

Это был не просто тендер. Усадьба Знаменских — мой личный проект. Я выкупил ее два года назад, на собственные деньги, а не на средства холдинга. Старое здание, в которое я влюбился с первого взгляда — облупленные колонны, за-

росший плющом фасад, выбитые окна. Оно напомнило мне меня самого — побитого жизнью, но все еще стоящего. Я хотел не просто отреставрировать его. Я хотел вдохнуть в него новую жизнь.

И теперь этим будет заниматься Вера.

Судьба — та еще шутница.

Я набрал номер Александра. Он ответил после второго гудка.

— Кирилл. Что-то срочное?

— Ты помнишь усадьбу Знаменских? Мой личный проект.

— Помню.

— Тендер на реконструкцию выиграла Вера Соболева.

Пауза. Потом Александр присвистнул.

— Та самая Соболева? Из твоего прошлого?

— Та самая.

— И что ты будешь делать?

— Понятия не имею. — Я потер переносицу. — Могу отказать от ее услуг. Назначить другого подрядчика.

— На каких основаниях? Тендер честный?

— Чище некуда. Ее бюро дало лучшие условия и лучший проект. Я сам смотрел.

— Тогда не дури. — Александр помолчал. — Ты взрослый мужик, Кирилл. И она взрослая женщина. Это работа. Просто работа. Справитесь.

— Ты не понимаешь.

— Чего?

— Я не видел ее семнадцать лет. И я... я не знаю, смогу ли смотреть ей в глаза.

— А ты попробуй. — В его голосе послышалась усмешка. — Когда я встретил Алису, я думал, что мы убьем друг друга за месяц. А теперь посмотри на нас.

— Сравнил. У вас была просто взаимная неприязнь. А у нас с Верой...

— Что?

Я замолчал. А что у нас было? Любовь, которую я предал. Выбор, за который я до сих пор не мог себя простить. И тайна, которую она так и не узнала.

— Ладно, — сказал я. — Сам разберусь.

— Разбирайся. И не надейся на глупостей.

Я повесил трубку и снова уставился на фотографию Веры. Красивая. Уверенная. Чужая.

Завтра у нас была назначена встреча — первая, установочная, на объекте. Я мог позвонить и отменить. Мог приехать вместо себя помощника. Мог сделать вид, что меня это не касается.

Но я знал, что не сделаю ничего этого. Потому что семнадцать лет — достаточный срок, чтобы забыть. И недостаточный, чтобы простить себя.

Я хотел увидеть ее. Хотел посмотреть ей в глаза и понять:

осталось ли там хоть что-то? Или только пепел?

Завтра. Все решится завтра.

Я почти не спал. Ворочался, смотрел в потолок, вспоминал. Лето девяносто седьмого, МАРХИ, практика. Мы с Верой работали над одним проектом — она тогда была на втором курсе, я на пятом. Она уже тогда выделялась: самая талантливая, самая упрямая, самая красивая. Я влюбился, как мальчишка.

А потом — звонок из больницы. Лиза — моя однокурсница, с которой у меня был короткий роман до встречи с Верой, — лежала в гинекологии с угрозой выкидыша. Ее родители выгнали ее из дома, когда узнали про беременность. Отец ребенка исчез. А она была одна — тонкая, бледная, перепуганная.

— Кирилл, — прошептала она, когда я пришел в больницу, — у меня никого нет. Только ты.

И я сделал выбор. Тот самый, за который до сих пор себя ненавижу и которым до сих пор гордился. Я женился на Лизе. Признал ребенка — сына, который родился на месяц раньше срока, слабенького, но живого. Прожил с ней двенадцать лет — спокойных, ровных, без фейерверков, но с ува-

жением и заботой. Она умерла от рака, когда сыну было десять. Теперь Пашка уже студент.

Я ни разу не пожалел о своем выборе. И ни разу не забыл ту, другую, которую оставил.

И вот теперь она возвращалась. Не как тень из прошлого — как деловой партнер. И я не знал, что страшнее: то, что она может меня ненавидеть, или то, что ей может быть все равно.

Завтра. Все решится завтра.

Глава 3. Первая встреча

Вера

Офис «Северного Девелопмента» располагался в башне «Империал» — той самой, где работал Александр Волков. Я знала это здание: мы с Алисой виделись пару раз на архитектурных конференциях, и она рассказывала, что ее муж и его партнер делят один этаж. Тогда я не придавала этому значения. Теперь же, поднимаясь в лифте на сороковой этаж, я чувствовала, как с каждым пролетом сердце колотится все быстрее.

Я одернула жакет — темно-серый, строгий, с шелковым воротником. Его я купила специально для важных встреч, когда нужно чувствовать себя неуязвимой. Сегодня уязвимой я быть не собиралась. Сегодня я была не Верочкой из прошлого, а Верой Сергеевной Соболевой, главой архитектурного бюро, победителем тендера.

Двери лифта открылись. Я вышла в просторный холл и сразу увидела ее — секретаршу Лену, которая приветливо улыбнулась.

— Вера Сергеевна? Кирилл Алексеевич ждет вас. Пройдемте.

Мы миновали open space с сотрудниками, прошли по коридору и остановились у массивной двери с табличкой «Северов К. А.». Секретарша постучала и приоткрыла дверь.

— Кирилл Алексеевич, к вам госпожа Соболева.

Я вошла.

Он стоял у окна — спиной ко мне, засунув руки в карманы брюк. Широкая спина, чуть сутулые плечи, знакомая манера чуть наклонять голову, когда он о чем-то думает. За семнадцать лет он почти не изменился — разве что седины прибавилось в темных волосах да фигура стала чуть грузнее.

Он обернулся.

И время остановилось.

Карие глаза — те самые, которые когда-то смотрели на меня с такой нежностью, — теперь смотрели настороженно, изучающе. Его лицо прорезали морщины, которых не было раньше. Уголки губ опустились, будто он привык сдерживать улыбку. Он был все тем же Кириллом — и совершенно дру-

гим человеком.

— Вера, — сказал он.

Не «Вера Сергеевна». Не «госпожа Соболева». Просто «Вера». Так, будто и не было этих семнадцати лет.

Я сделала шаг вперед и протянула руку.

— Здравствуйте, Кирилл Алексеевич. Рада познакомиться.

Он моргнул. Опустил взгляд на мою протянутую ладонь — и вдруг усмехнулся, но не весело, а горько.

— Рада познакомиться, — повторил он. — Ты решила играть в эту игру?

— Я не играю. — Мой голос звучал ровно, хотя внутри все дрожало. — Я здесь по делу. Мое бюро выиграло тендер, и я готова обсудить детали контракта.

— Контракта. — Он все-таки пожал мою руку — его ладонь была теплой и сухой, и от этого прикосновения по коже пробежал электрический разряд. — Да, конечно. Присаживайся.

Я села в кресло напротив его стола — прямо как Алиса когда-то, если верить ее рассказам. Кирилл опустил в свое кресло и снял очки — те самые, в тонкой золотой оправе, которые делали его похожим на университетского профессора.

— Поздравляю с победой, — сказал он. — Ваш проект был лучшим.

— Я знаю.

Он снова усмехнулся.

— Ты не изменилась. Все такая же скромная.

— Я изменилась. Просто вы этого не знаете.

— Ты права. — Он откинулся в кресле. — Не знаю. Семнадцать лет — большой срок. Расскажешь?

— Что именно?

— Как ты жила. Чем занималась. Замужем ли.

— Это имеет отношение к контракту?

— Нет. — Он смотрел мне прямо в глаза. — Но я хочу знать.

Я выдержала его взгляд, хотя это стоило мне огромных усилий.

— Я окончила МАРХИ с красным дипломом. Стажировалась в Риме, у реставраторов. Вернулась в Москву, открыла свое бюро. Вышла замуж, через пять лет развелась. Детей нет. Бюро — мой единственный ребенок. Этого достаточно?

— Достаточно, — сказал он тихо. — Для начала.

— А вы?

— Я? — Он пожал плечами. — Ты, наверное, знаешь. Лиза умерла десять лет назад. Сын — Павел, студент. Работаю с Волковым уже пятнадцать лет. Усадьба Знаменских — мой личный проект.

— Я сожалею о Лизе.

— Спасибо. — Он опустил глаза. — Она была хорошей женой.

Повисла пауза. Я смотрела на его руки, сложенные на

столе, — крупные, с широкими запястьями, с обручальным кольцом, которое он так и не снял. Десять лет прошло, а он все еще носил его. Это что-то говорило о нем — но что именно, я не могла понять. Верность? Вина? Неспособность отпустить?

— Давайте к делу, — сказала я, доставая из портфеля папку. — У меня есть предварительный график работ. Я хочу обсудить его с вами до подписания контракта.

— Конечно. — Он взял себя в руки и стал тем Кириллом, которым был последние пятнадцать лет: деловым, собранным, профессиональным. — Давай.

Мы просидели над графиком два часа. Спорили о сроках, обсуждали смету, согласовывали этапы. Это было странно — сидеть с ним в одном кабинете и говорить о фасадах и перекрытиях, как будто мы просто коллеги. Как будто между нами не было лета девяносто седьмого, Нескучного сада, его слов «я женюсь на Лизе» и моих слез.

Но я справлялась. Держала спину прямо, говорила четко, смотрела в глаза. Профессионал. Я — профессионал. Я могу это сделать.

В конце встречи он вдруг спросил:

— Вера, почему ты не отказалась?

— От чего?

— От тендера. Ты же знала, что заказчик — я. Могла не подавать заявку. Могла отказаться, когда узнала.

Я помолчала, подбирая слова.

— Потому что усадьба Знаменских важнее моих личных обид. — Я посмотрела ему в глаза. — Это уникальный памятник архитектуры. Если его реставрировать неправильно, он погибнет. А я — лучший реставратор в этом городе. Ты сам сказал, что мой проект был лучшим.

— Лучшим, — согласил он.

— Так что выбирай: либо ты работаешь со мной и получаешь идеальную реставрацию, либо ищешь кого-то другого и рискуешь потерять объект. Решать тебе, Кирилл Алексеевич.

Он долго смотрел на меня. Потом кивнул:

— Хорошо. Будем работать.

— Вот и славно. — Я встала. — Контракт пришлю завтра. Если вопросов не будет — подпишем в конце недели.

— Вера.

Я остановилась у двери.

— Что?

— Я рад тебя видеть. — Его голос прозвучал глухо. — Правда рад. Несмотря ни на что.

Я не обернулась. Просто кивнула и вышла.

В лифте меня накрыло. Я прислонилась к стене и закрыла глаза, пытаюсь выровнять дыхание. Два часа. Два часа я просидела с ним в одном кабинете, вдыхала его запах — сандал, табак, что-то еще, знакомое до боли, — и делала вид, что мне все равно.

Но мне было не все равно. И это пугало меня больше всего.

Он носил кольцо. Он назвал Лизу хорошей женой. Он сказал, что рад меня видеть.

Что все это значит? И что я буду делать, если этот контракт продлится не месяц и не два, а целый год?

Я открыла глаза и посмотрела на свое отражение в зеркальной стене лифта. Женщина в строгом сером жакете, с проседью в волосах и усталыми глазами. Сильная. Успешная. Одинокая.

— Справишься, — сказала я своему отражению. — Ты уже справлялась и не с таким.

Отражение не ответило.

Лифт остановился на первом этаже. Я вышла в холл и направилась к выходу. Завтра мне предстояло ехать на объект — смотреть усадьбу, делать замеры, составлять план работ. И Кирилл, конечно, будет там. Теперь мы связаны контрактом, и отвертеться не получится.

Завтра.

Все самое трудное начнется завтра.

Глава 4. Усадьба

Вера

Усадьба Знаменских стояла в старом парке, в получасе езды от МКАДа, и была прекрасна даже в своем запустении.

Я вышла из машины и замерла, не в силах отвести взгляд. Двухэтажный особняк в стиле московского ампира, с белоснежными колоннами, которые потемнели от времени, но все еще держали фронтоны. Лепнина осыпалась, штукатурка пошла трещинами, окна были заколочены. Плющ оплел восточное крыло, забрался на крышу, свесился зелеными гирляндами. Зброшенный, забытый, умирающий — но все еще гордый.

— Красавец, — прошептала я.

— Я знал, что тебе понравится.

Кирилл стоял у ворот, засунув руки в карманы пальто. Сегодня он был без пиджака — в теплом свитере крупной вязки, который делал его еще более похожим на медведя. Он смотрел на меня, а не на усадьбу.

— Ты поэтому выбрал мое бюро? — спросила я, не оборачиваясь. — Потому что знал, что мне понравится?

— Я выбрал твое бюро, потому что твой проект был лучшим. — Он подошел и встал рядом. — А то, что тебе нравится усадьба, — бонус.

— Это не бонус. Это необходимое условие. Нельзя отреставрировать здание, которое не любишь.

— Ты его уже любишь?

— С первого взгляда.

Мы вошли внутрь. В холле гуляло эхо, пахло сыростью и старой штукатуркой. Под ногами хрустели осколки стекла — кто-то разбил окно, и ветер занес внутрь сухие листья и снег. Но под слоем грязи и запустения угадывалось былое величие: мраморная лестница с коваными перилами, остатки лепных розеток на потолке, камин в гостиной, отделанный малахитом.

— Боже, — выдохнула я, проводя рукой по перилам, — ты только посмотри на эту работу. Это же начало девятнадцатого века, ручная ковка. Каждую завитушку делали отдельно.

— Дорого обошлось, наверное, — заметил Кирилл.

— При чем здесь дорого? Это искусство. Эти перила — произведение искусства. Их нельзя просто так взять и заменить пластиковой имитацией.

— Я и не предлагаю.

— Ты предлагаешь снести внутренние перегородки. — Я обернулась к нему. — Твой план предполагает полную перепланировку второго этажа. Ты хочешь сделать open space в историческом здании.

— Потому что это будет клубный дом, а не музей. — Он скрестил руки на груди. — Люди, которые купят здесь квартиры, хотят простора, света, современных планировок. Если мы сохраним все эти маленькие комнатки, мы не продадим ни одного метра.

— Это памятник архитектуры! У него охранный статус!

— Именно поэтому мы можем менять интерьеры. Фасад и несущие конструкции защищены, а внутренняя планировка — нет. Я проверял.

Мы стояли посреди пыльного холла и сверлили друг друга взглядами. Я чувствовала, как внутри закипает гнев — профессиональный, праведный, тот самый, который всегда вспыхивал, когда кто-то пытался «улучшить» историю.

— Ты не понимаешь, — сказала я. — Эта усадьба — не просто стены. Это свидетель эпохи. Здесь жили люди, которые строили Москву. Здесь бывали Пушкин, Вяземский, Грибоедов. Каждая комната помнит их голоса, их шаги. А ты хочешь превратить это в безликий лофт с панорамными окнами.

— Я хочу дать этому зданию новую жизнь, — возразил он. — Если мы сделаем из него музей, он будет пустовать, как последние двадцать лет. А если мы сделаем жилой дом, здесь будут люди. Дети. Смех. Жизнь. Разве это плохо?

— Жизнь — это хорошо. Но жизнь не означает уничтожение истории.

— А я и не предлагаю уничтожать. Я предлагаю адаптировать.

Мы снова замолчали. Я смотрела на него и думала: вот он, Кирилл Северов, весь как на ладони. Прагматичный, рациональный, считающий каждую копейку. И в то же время

— неравнодушный, раз он вообще взялся за этот проект. Он мог бы построить безликий жилой комплекс в чистом поле и заработать вдвое больше. Но он купил заброшенную усадьбу и хочет вдохнуть в нее жизнь.

Просто мы по-разному понимали слово «жизнь».

— Ладно, — сказала я, доставая планшет. — Давай пройдем по всем помещениям. Я сделаю замеры и отмечу, что можно сохранить.

— А что нельзя?

— Это мы будем обсуждать. Комната за комнатой.

— Ты будешь спорить по каждой двери?

— По каждой. — Я впервые за день улыбнулась. — Ты же знаешь, я упрямая.

Он посмотрел на меня — и вдруг улыбнулся в ответ. Улыбка была усталой, но теплой.

— Знаю, Верочка. Всегда это знал.

«Верочка». Он назвал меня Верочкой. Так же, как тогда. Я

сделала вид, что не заметила, и пошла к лестнице, но сердце колотилось где-то в горле.

Мы провели в усадьбе четыре часа. Облазили все три этажа и подвал, заглянули в каждую комнату, каждую кладовку. Я фотографировала, делала пометки, спорила с Кириллом по каждому пункту. Он хотел снести стену между гостиной и библиотекой — я настаивала на сохранении. Он предлагал заменить деревянные перекрытия железобетонными — я доказывала, что старые балки еще крепкие. Он ворчал, что сроки горят, а я торможу процесс. Я отвечала, что реставрация не терпит спешки.

К концу четвертого часа мы оба охрипли.

— Ты невозможна, — сказал он, когда мы вышли на крыльцо.

— Я знаю. Мне уже говорили.

— Кто?

— Бывший муж.

Он замолчал. Мы стояли на крыльце и смотрели на закат. Солнце садилось за старые липы, и парк тонул в золотистом

свете.

— Почему вы развелись? — спросил он тихо.

— Это обязательно обсуждать?

— Нет. Но я хочу знать.

Я помолчала, глядя на темнеющее небо.

— Потому что он хотел детей, а я не могла их иметь. — Мой голос прозвучал глухо. — После выкидыша на пятом месяце врачи сказали, что шансов почти нет. Он не захотел мириться. Нашел другую.

— Вера...

— Это было давно. Я уже пережила. — Я застегнула пальто. — Завтра пришло тебе уточненный план. До встречи.

И пошла к машине, не оборачиваясь. Он окликнул меня, но я не остановилась.

В машине я включила подогрев сидений, закрыла глаза и попыталась выровнять дыхание. Зачем я ему это рассказала? Зачем вообще затронула эту тему? Он не должен знать. Он

не имеет права знать.

Но я рассказала. И в его глазах, когда он услышал про выкидыш, мелькнуло что-то такое — не жалость, нет, — что-то глубже. Понимание? Общая боль?

Я не знала. И не хотела знать.

Впереди был долгий проект, долгие месяцы совместной работы и долгие разговоры, которых я боялась больше всего.

Я завела мотор и поехала в город. Усадьба осталась позади — молчаливая, замерзшая, ждущая своего воскрешения. Так же, как и я.

Глава 5. Ночной звонок

Вера

Это случилось в ночь на среду.

Я вернулась домой поздно — задержалась в бюро, доделывая уточненный план для Кирилла. Телефон показывал половину двенадцатого, когда я наконец вставила ключ в замок, мечтая только о двух вещах: горячем душе и подушке.

Душ я приняла. А вот до подушки не дошла.

Я стояла в ванной, вытирая волосы полотенцем, когда услышала странный звук. Сначала подумала — показалось. Старый дом, старые трубы, чего только не бывает. Но звук повторился: глухой удар где-то в стене, а потом — шипение.

Я открыла дверь ванной и выглянула в коридор.

И замерла.

Из-под двери кухни выползала вода. Медленно, но верно она растекалась по паркету, темным языком подбираясь к

книжному шкафу.

— Черт!

Я бросилась на кухню и распахнула дверь. Зрелище, открывшееся мне, было апокалиптическим. Труба под раковиной лопнула, и оттуда хлестала вода — горячая, судя по пару, заволакивающему помещение. Пол был уже по щиколотку в воде. Мои тапочки моментально промокли.

Я метнулась к раковине, попыталась перекрыть вентиль — бесполезно, он прокручивался вхолостую. Тогда я бросилась в коридор, к щитку, но нужный кран, кажется, заклинило намертво. Горячая вода все прибывала.

Телефон. Мне нужен телефон.

Я схватила его с тумбочки и набрала аварийную службу.

— Алло, диспетчерская? У меня прорвало трубу!

— Адрес? — равнодушный женский голос.

Я продиктовала.

— Бригада будет через два-три часа. Ждите.

— Два-три часа?! У меня тут потоп! Через два часа весь подъезд затопит!

— Ничем не могу помочь. Аварий много, бригады разъехались. Ждите.

Гудки.

Я стояла в коридоре, прижимая телефон к уху, и смотрела, как вода подбирается к книжному шкафу. Там были мои альбомы по архитектуре. Раритетные издания, которые я собирала пятнадцать лет. Чертежи. Фотографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.